

*В.П.ДАНИЛОВ,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН,
Интерцентр*

Актуальность исследования советской бюрократии
как нового класса

На нашем предыдущем симпозиуме (декабрь 1994 г.) предлагалось включить в программу нынешней встречи историческую тему "Откуда, как и почему идет Россия?" Совершенно очевидно, что без ответа на эти вопросы невозможно с достаточным основанием говорить о нашей главной теме "Куда же

она идет?" Актуальность исторического взгляда резко возрастает с течением времени, с выяснением разрушительного характера проводимых нынешним режимом реформ и для экономики, и для социальных отношений, и для политической организации, и для культуры — для жизни основных масс населения. И теперь на вопрос: "Куда идет Россия?" часто слышится ответ: "А она никуда не идет. Она просто проваливается в тартарары..." Слово это многозначное: одни имеют в виду регионализацию с последующей балканизацией..., другие — прямую колонизацию в латино-американском или даже африканском вариантах... На симпозиуме в 1994 г. разговор на эти темы уже заходил¹ и, конечно, очень жаль, что специальное обсуждение исторической тематики откладывается.

К счастью, проф. М.Л.Левин, с доклада которого началась работа нынешнего симпозиума, историческую тематику все же поставил, причем в одном из главнейших аспектов: характер и роль бюрократического режима в России XX в. Я не сомневаюсь в том, что доклад М.Л.Левина окажет сильнейшее влияние на формирующуюся сейчас общую концепцию новейшей истории России. И поэтому неизбежно обсуждение и концепции доклада в целом, и его отдельных положений. Некоторые соображения в порядке такого обсуждения мне хотелось бы высказать сегодня.

Бесспорно правильным является наблюдение о том, что революционные перемены в России сопровождались известной архаизацией социальных форм, особенно в деревне. Она проявилась и в натурализации хозяйственных отношений, и в осереднячивании крестьянских хозяйств и, особенно, в возрождении общинных организаций. Когда речь заходит об этих явлениях, на мой взгляд, важно отметить два существенных момента. Во-первых, все они сохранялись и в дореволюционной России и были прямым результатом и свидетельством ее социально-экономической отсталости: Россия в конце XIX — начале XX в. решала социальные задачи, которые Англия, например, решала в XVII—XVIII вв. В наиболее общем виде их можно было бы определить как задачи первоначального (примитивного, грубого) накопления капитала. В этих условиях традиционные формы социально-экономических отношений для значительной части населения оказывались средством выживания. Не случайно, их оживление и усиление наметились в годы первой мировой войны, еще до революционного взрыва 1917 г.

Возрождение общинных организаций в ходе аграрной революции было связано с ликвидацией помещичьего землевладения и, следо-

¹ См. Куда идет Россия ?. Альтернативы общественного развития. Кн. 2. М., 1995. С. 268—328.

вательно, устраняло другое, также архаическое по своей сути социальное явление. Главное все же состояло в том, что крестьяне, возродившие общину, были уже далеко не архаичны, свидетельств чего достаточно много: подъем и обновление сельского хозяйства, усовершенствование самой общины, включавшее, между прочим, исчезновение советов старейших — подлинной архаики.

Однако явления архаизации не исчерпывали послереволюционной действительности в деревне. Происходило мощное развитие крестьянской кооперации во всем многообразии ее форм и специализации. Кооперация не только включала крестьянские хозяйства в разумно-организованные рыночные отношения, но и органически противостояла бюрократической системе управления. В растущей кооперации я вижу одно из условий — в годы нэпа не единственное — создания и функционирования *небюрократического режима государственного управления* в советской России. Не случайно, сталинская "революция сверху" включала и слом кооперативной системы в деревне.

Верно наблюдение о том, что восстановление экономики России после военной разрухи 1914—1920 гг. было фактически "возвращением" к уровню 1914 г., тогда как Запад переживал экономический подъем и быстро уходил от довоенного уровня. Но это понимали и люди того времени, в том числе и в советском руководстве. План ГОЭЛРО, например, был нацелен на прорыв в экономическом развитии. Иное дело, что осуществление этого плана ограничивалось объективными возможностями страны. Форсирование индустриального развития России было объективной необходимостью и это обстоятельство создавало почву для гипертрофии командно-административной системы управления и, соответственно, для усиления роли бюрократии в жизни общества.

Альтернативный вариант решения труднейших задач экономического развития, нашедший выражение, в частности, в первом пятилетнем плане, ориентированном на подъем всех форм хозяйства и мощное развитие кооперации, был отброшен сталинским руководством, опиравшемся именно на бюрократическое перерождение советского государственного управления.

Научная значимость доклада М.Л.Левина состоит именно в четкой постановке вопроса о превращении советской бюрократии в "класс начальства", который пришел "к полному господству в системе". С концентрацией власти в своих руках бюрократия обростала привилегиями, все больше "отрывалась от общественных интересов" и в конечном счете стала "осьминогом", задушившим общество, созданное революцией 1917 г.

Очень важна подчеркнутая в докладе мысль о том, что бюрократия, ставшая правящим классом, быстро утратила способность к эффективному политическому руководству, осуществила "бюро-

кратическую феодализацию государства" и привела советскую политическую систему к гибели. "Ее никто не свергал. Она пала сама", — гласит конечный вывод. Такой вывод можно принять, если иметь в виду посторонние для общества силы, особенно зарубежные, как бы они не желали этого. Однако сам по себе этот важнейший вывод недостаточен, во всяком случае для историка. В историческом познании важна конкретная — событийная, личностная, причинно-следственная форма процесса, поскольку тот или иной исторический процесс — в данном случае падение советской системы — может происходить по-разному: в разные сроки, в разном порядке, с разными последствиями для населения, для будущего развития общества и т.д.

Доклад М.Л.Левина кладет начало обсуждению важнейшей историко-социологической проблемы нового класса, его формирования и роли в советской России. Доклад является самым лучшим аргументом в пользу включения этой проблемы в программу нашего следующего симпозиума. О важности темы "Новый класс" для ответа на главный вопрос симпозиума: "Куда идет Россия?", говорят и социально-экономические сдвиги, происходящие уже в постсоветское время. Мы знаем сейчас, что по минимальному счету 61% "новых богачей в России" — это бывшие члены партийно-государственной номенклатуры советского времени. На наших глазах разворачивается новый передел земельной собственности, по инициативе и в интересах той самой номенклатуры.